

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ СПОРЫ МЕЖДУ УРАЛЬСКИМИ И ИЛЕЦКИМИ КАЗАКАМИ (XVIII–XIX вв.)

В статье впервые рассматривается вопрос о спорах между уральскими и илецкими казаками по поводу земельного участка в междуречье Иртека и Киндели.

Илецкая станица почти с самого начала входила в состав Уральского (Яицкого) казачьего войска. Несмотря на это, илецкие казаки были отделены от коренных уральцев. Они обладали своими собственными угодьями, лесами, пашнями, рыбными ловлями (1). Поэтому взаимоотношения Илецкого и Уральского казачьих войск развивались подобно отношениям между волостными общинами крестьян коренной России. Поземельные споры между ними – яркое тому свидетельство. Спорными считались земли в междуречье Иртека и Киндели и пространство к северу от Иртека до границ Бузулукского уезда (2).

Со времени возникновения Илецкого городка в 1737 году казаки новой станицы охраняли участок границы от Рассыпной крепости до устья Иртека, пользуясь землями и угодьями на правобережье Урала. Казаки Илецкой станицы в прошении 1863 года ссылаются на указ императрицы Анны Ивановны от 11 февраля 1736 года, в котором их предкам были дарованы разные земляные угодья и рыбные ловли на протяжении семидесяти верст, начиная от дач Оренбургского войска (станицы Рассыпной) вниз по реке Урал до Иртецкого устья, оттуда к северу до Общего Сырта, где был гранный столб и далее на северо-восток до границ Бузулукского уезда (3). Этой землей илецкие казаки пользовались несколько десятилетий спокойно и бесспорно – отмечают Иван Кривоногов и его товарищи. 23 ноября 1748 года тайный советник и кавалер, первый Оренбургский губернатор И. И. Неплюев повелел илецким казакам построить два форпоста, первый – на Кинделе, а второй – на Заживной. В своем распоряжении он подтвердил границы дистанции, которую должны были охранять илецкие казаки: «Разъезды же оным илецким казакам иметь летнею порою по здешней стороне, а именно к Рассыпной крепости и съезжаться с тамошним разъездом на половине пути, а в другую сторону между Киндели и Иртека съезжаться с яицкими казаками» (4).

В рапорте Илецких станичных дел от 17 мая 1830 года есть указание на учиненный 26 мая 1753 года штат, в котором указанная дистанция также признается за илецкими казаками (5). Вместе с тем Уральская войсковая канцелярия не признавала притязание илецких казаков на землю до Иртека, утверждая, что уральцы издревле пользовались лесными и прочими угодьями по Кинделинскому форпосту, в котором в 1782 году были приняты межевые знаки (6).

Противостояние вело к взаимному ожесточению, становилось причиной бесконечных драк и беспорядков (7). Обстановка вокруг спорных территорий стала накаляться с начала XIX века. Согласно данным прошения Кривоногова, уральцы «усилили стеснения разными своевольствами до того, что сделали их невыносимыми и вынудили жителей принести «жалобу» Оренбургскому военному губернатору, князю Волконскому» (8). Князь Григорий Семенович Волконский 11 ноября 1804 г. издал указ, в котором признал действия уральцев неправомерными. Он отметил, что земли и выгоды илецких казаков должны простираться на 70 верст, до самого иртецкого устья и повелел Уральской войсковой канцелярии впредь казаков Илецкой станицы не обижать и «не под какими предлогами... не стеснять» (9). После распоряжения князя Волконского четыре года илецкие казаки жили спокойно. В 1808 году притязания уральцев возобновились. Склонив на свою сторону атамана Илецкой станицы полковника Донского (из коренных уральцев) и нескольких чиновников, Войсковая канцелярия заключила с ними «условие» об уступке в пользование войска земель, лугов и степи, лежащих между Кинделинским и Иртецким форпостами. В пользу илецких казаков предоставлялись воды лишь по самарской стороне Урала до озера Дубовая Ракова (ныне оз. Раков). Лесами по обеим сторонам вплоть до устья старого Яика разрешалось пользоваться уральцам (10). О соглашении илецкое станичное общество не уведомили, и казаки долгое время

ничего не знали о нем. Опираясь на «Условие», атаман Уральского войска генерал-майор Бородин вскоре начал селить своих крепостных на уступленной территории. В 1813 году на бывших илецких землях был построен Грязно-Иртецкий форпост (11). Двести человек Бородин поселил вдоль большого тракта, соединявшего Оренбург и Уральск, в 11 верстах от Кинделинского форпоста. После причисления их к казачьему сословию на этом месте был образован Бородинский форпост. Произошло это в промежутке с 1818 по 1820 год. Границей между Бородинским и Кинделинским форпостами стали считать урочище Крутая Россось в 2-х верстах от Бородинска (12). Само урочище признавалась за кинделинскими казаками. Когда илецкие казаки потребовали объяснить, по какому праву им чинятся обиды, Уральская войсковая канцелярия показала «Условие» 1808 года, по которому выходило, что станица добровольно уступила эти земли. Илецкие казаки не признали его, посчитав несправедливым, подписанным без согласия станичного общества и поэтому не имеющим силы. В 1827 году разногласия по поводу «Условия» привели к очередному столкновению. 9 июля Уральская войсковая канцелярия предписала Илецким станичным делам по собственному усмотрению назначить дату начала сенокосения. Дистаночный начальник сотник Портнов объявил таковым днем 12 июля, и казаки отправились косить в свои, как они считали, дачи, а именно поближе к Иртецкому устью. Вскоре из деревни генерал-майора Бородина прибыл приказчик и потребовал объяснений, «с чьего позволения начали производить сенокосение в уральских землях». Затем прибыл отставной есаул Черторогов и переписал все сено и косарей. Оказалось, что в устье Иртека косили казаки из Кинделинского форпоста. По данным Черторогова, среди них были: Евдоким Поляков, накосивший 10 стогов, Яков Шумов, накосивший 5 стогов; Тихон Чуреев – 3 стога; Степан Обломков – 5 стогов; Матвей Власов – 2 стога; Андрей Чапчиков – 3 стога; Михей Мякушин – 4 стога. Участвовали также Данила Ерзикив, Алексей Тишков, два Федора Полякова и др. (13). В Кинделинский форпост ближе к осени прибыли чиновники Уральского войска, первоначально войсковой старшина Акутин и Донсков, а затем ассессор Бородин и есаул Краснов. Они стали снимать показания и принуждать к признанию того, что казаки косили сено в уральских землях. В 1829 году Войсковая канцелярия потребовала явиться поверенным общества Кинделинского форпоста в Уральск для под-

писания снятых показаний, но поверенные (среди них – отставной казак Егор Поляков и Данила Ерзикив), видя несообразность того, что они говорили, и что было записано, «от подписи отперлись» (14).

Дважды, 30 марта и 2 апреля 1830 года, Егор Поляков выходил с прошением по поводу случившегося в Илецкие станичные дела. Выслушав Полякова, правление станицы доложило обо всем начальнику штаба Отдельного Оренбургского Корпуса генерал-майору П. А. Чуйкевичу. В конце концов, дело дошло до Оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена, который 22 декабря 1830 года предложил примирительные меры, потребовав от уральцев прекратить захваты. Однако, как и раньше, при губернаторе Г. С. Волконском, меры эти остались только на бумаге. В 1830 году от Иртека были окончательно оттеснены табуны, принадлежавшие кинделинским казакам (15).

29 августа 1848 года илецкие казаки жалуются атаману Уральского войска генерал-майору Геке на стеснение их в поземельном пользовании, на что атаман никак не отреагировал. 8 сентября 1849 года с такой же жалобой казаки Кинделинского форпоста обращаются к Оренбургскому военному губернатору В. А. Обручеву. Ее последствия мной уже описывались (16). История, к слову сказать, достойна приключенческого романа. Здесь и несправедливость следствия – есаул Обратнов, отправленный в Кинделинский форпост для разбирательства, селится у одного из обидчиков есаула Буренина; и обвинения в неблагонадежности кинделинских казаков, стремящихся будто бы к возрождению казачьей вольности и отделению от Уральского казачьего войска; здесь и неожиданные аресты возмутителей спокойствия Абрамова, Сапогина, Фролова и Кирпишникова. Их захватили «наездом» в собственных домах; и тайное бегство Андрея Полякова, чудом сумевшего избежать участи своих товарищей. А. Поляков, рискуя угодить в плен к уральцам, подает повторную жалобу губернатору. В. А. Обручев отправляет в Кинделинский форпост подполковника Краевского, состоявшего при нем для особых поручений, но следствие, проведенное им, и на этот раз остается безрезультатным.

В период 1853–1864 гг. отчаявшиеся найти справедливость илецкие казаки самовольно захватывают земли вдоль левого берега реки Каменки и по линии, идущей от ее низовьев к реке Кинделе, в то место, где находился Бородинский форпост. Это вызвало яростное противодействие уральцев. В

1862 году бородинские и иртецкие казаки, при содействии управляющего станицей войскового старшины Сладкова, согнали табуны, принадлежавшие илецким казакам, на пятую версту от Кинделинского форпоста (17).

К исполняющему обязанности атамана Уральского казачьего войска генерал-майору Виктору Дмитриевичу Дандевиллю «от общества Илецкой станицы» вновь было направлено «покорнейшее прошение» о разрешении давнего поземельного спора. В. Д. Дандевилль предложил поверенным от общества илецких казаков посетить архивы Уральска, Оренбурга и Астрахани с тем, чтобы отыскать в них законодательное подтверждение своих прав, а пока создать комиссию и провести временную границу, не дожидаясь окончательного решения спорного вопроса. В октябре 1862 года созданная по решению и. о. атамана комиссия уже приступила к работе. В нее вошли: сотник Митрясов, есаул Портнов (от илецких казаков); от уральцев – коллежский советник Оголин, поручик Алексеев и штабс-капитан Маслоковец. 30 октября 1862 года была проведена временная линия (18). По настоянию В. Д. Дандевиля комиссия попыталась учесть интересы и той, и другой стороны и установить между, исходя из потребностей в угодьях Уральского войска и Илецкой станицы одновременно. Временная граница фактически признавала самовольные захваты илецких казаков по реке Каменке, а в междуречье Иртека и Киндели вблизи Бородинского форпоста даже захватывала земли уральцев, уходя в глубь их территории на 2-3 версты. Решение комиссии вызвало недовольство уральских казаков. Войсковой старшина Курилин, полковник Бизяков, ассессор Железнов и есаул Мартынов обратились с донесением к министру юстиции, минуя не только атамана, но и Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А. П. Безака. Незаконное донесение уральцев вызвало настоящий гнев со стороны губернатора. Обращаясь 20 ноября 1862 года к военному министру, он просил Курилина – уволить с должности, Бизякову и Железнову объявить выговор, а Мартынова, который был инициатором донесения, – перевести в другое казачье войско (19).

Дело о решении поземельного спора, начатое В. Д. Дандевилем, затягивалось. Войсковая канцелярия предложила свой вариант границы, который ликвидировал «выступ», имевшийся выше Бородинского форпоста в варианте комиссии, и возвращал уральцам часть левого берега реки Каменки. Однако и на этот раз вопрос не был решен окончательно. В 1866 году новая комиссия выработала

еще один вариант межи, который оказался ближе к предложениям Войсковой канцелярии. Спор илецких казаков с уральскими за земли в междуречье Иртека и Киндели так и остался не разрешенным в XIX столетии, но и XX век не стал решающим в этом смысле.

В. Г. Короленко, побывавший в Кинделинском поселке в 1900 году, передает, что ему об этом говорили кинделинцы: «Тут у нас каждую осень не то что бой или сказать драка: прямо убийство идет... Поверите – даже в плен уводят» (20). А Кинделинский атаман А. Я. Камынкин рассказывал: «недавно казак моего поселка Игнатий Мякушин печку клал ... Вот сидит себе мой Игнатий, умазывает трубу. Вдруг, откуда ни возьмись, наехали иртецкие ... стащили раба божия с печки, давай таволчами жарить ... Потом – еще мало показалось: связали «свистом» ... привязали к задку телеги, шест прикрутили покрепче – айда по степи целиной ... В бесчестье, значит, Илецкому войску» (21).

Причина обострения межевых противоречий между Илецкой станицей и Уральским войском в XIX веке связана с резким увеличением численности населения войска в целом и Илецкой станицы в частности в условиях сохранения хозяйственного разделения и традиционного землепользования. Если в течение XVIII века Илецкое казачье войско постоянно испытывало недостаток в кадровом составе – в 1742 году в Илецком городке числилось 510 человек (22); в 1748 – И. И. Неплюев определил норму в 472 человека, а в 1795 до этой нормы недоставало 102 человека (23) – то в 1849 г. только в Илеке проживало 1225 человек (24), а общая численность населения станицы достигла 11500 душ обоого пола (25). Население всего Уральского войска в 1850 году составило 64036 человек (26). Рост населения в условиях сохранения границ земельных владений, а в случае с илецкой станицей даже их сокращение, влек за собой частые переделы и уменьшение размера надела. Ссылка на стеснение в земельных дачах – постоянный довод илецких казаков во всех известных нам случаях. Казаки – и уральские, и илецкие – ссылаются каждый раз на «древность» владения спорным участком со своей стороны и «новизну» противоборствующей (27). Ссылки илецких казаков на то, что оспариваемый участок охраняется только ими, имеет в основе своей убеждение, что право на использование земли дает, прежде всего, труд, вложенный в нее, а приоритет владения определяется количеством вложенного труда. Не гнушались казаки и «цивилизованным» способом доказательства своей пра-

воты – с помощью соответствующих законов и указов. Просто поражает дотошность поверенных Илецкой станицы, с какой они перечисляют номера статей, пункты и подпункты законов, которым, по их мнению, противоречат действия уральцев (28).

Таким образом, поземельные споры между уральскими и илецкими казаками в XVIII – XIX веках очередной раз показывают всю остроту, с какой стоял земельный вопрос не только среди крестьян коренной России, но и в сравнительно благополучных казачьих землях.

Список использованной литературы:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 164. Оп. 1. Д. 255. Л. 68 об.
2. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945, л. 112.
3. Там же. Л. 5.
4. Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско / Сост. А. Рябинин. Спб., 1866. Ч. 2. Приложения. С. 18.
5. ГАОО, ф. 6, оп. 11, д. 169/1, л. 12-12 об.
6. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945, л. 118 об.
7. Там же. Л. 1.
8. Там же. Л. 5 об.
9. Там же. Л. 21 об.
10. Там же. Л. 23 об – 24.
11. Там же. Л. 119.
12. Там же. л. 6, 112, 112 об.; Ф. 6, оп. 11, д. 169/1, л. 54.
13. ГАОО. ф. 6, оп. 11, д. 169/1. л. 24-38.
14. Там же. Л. 8.
15. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945. л. 6-6 об.
16. Поляков А. Н. Кинделинский форпост Илецкого казачьего войска в XVIII–XIX веках // Вестник Оренбургского государственного университета. 1999. №3. С. 17-18.
17. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945, л. 7 об.
18. Там же. Л. 46-47.
19. Там же. Л. 72-78 об.
20. Короленко В. Г. У казаков: из летней поездки на Урал. Челябинск, 1983. С. 194.
21. Там же. С. 195.
22. ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 13, л. 49.
23. ГАОО, ф. 4, оп. 1, д. 4, л. 42, 43.
24. ГАОО, ф. 6, оп. 11, д. 753, л. 231.
25. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945, л. 7.
26. ГАОО, ф. 6, оп. 12, д. 191, л. 6 об.
27. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945, л. 1 об., 118 об.
28. ГАОО, ф. 6, оп. 13, д. 2945. л. 9-9 об.